

Друзья покидают нас не прощаясь, внезапно

И только в этот час, когда узнаешь о смерти, становится ясно, что не договорили, не сказали друг другу самого важного, и дальше уже придется жить без него... Продолжать жить во все рedeющем, с каждым годом, кругу близких, понимающих людей.

Мы с ним близко познакомились, кажется, в 91-м году на Конде. Он был тогда еще первокурсником, практикантом. Невозможно вспоминать то время без улыбки, хоть и грустной. Все-таки он был романтик. Да, еще тогда Женька уходил по вечерам на берег Конды и подолгу сидел там, глядя на воду, на закат. Первое время мы его даже теряли. Кажется, эта лиричная созерцательность сохранялась в нем до последних дней. Это были чудесные беззаботные времена. Мы были молоды, невероятно любопытны, проводили ночи у костра в научных и околонаучных спорах. — Что такое культура? О чем думали, чем жили люди на месте нашего лагеря две тысячи лет назад?.. А в это время закрылся леспромхозовский аэропорт для Ан-2, сельсовет и магазин. Старенький приемник шипел западными голосами о том, что в далекой Москве переворот и танки на улицах. Это казалось таким же далеким, как неолит. Хотя нет — неолит всегда был ближе, чем окружающий мир.

Археологи обладают счастьем, недоступным для большинства остального человечества, — несколько месяцев в году они живут вне политики, финансовой суеты. Это совершенно иной мир познания, ожидания открытий и радости от них. И это счастье ежегодной свободы всегда было с Женей.

Любимое наше занятие в стационарных лагерях — дожидаться выходного дня, выбрать штыковую лопату поострее, сунуть в карман штормовки по банке тушенки и вперед, к дальним лесам, узнать что там, за горизонтом. Так бывало на ставшем впоследствии знаменитом Велижанском святилище. И много, много где еще. На ледниковых уренгойских моренах, сверкающих всеми халцедоновыми переливами, не тронутые строителями и геологами, хрустели под сапогами россыпи сердоликов и агатов. Вокруг палатки, к утру присыпанной снегом, трава была истоптана медведями, а забавная команда археологов из Томска, идейных анархистов, утверждали, что открытия так и совершаются — ученый должен приблизиться в своем аскетизме к древнему человеку, тогда он остановится в том же месте, на той же стоянке...

В раскаленных бердюжских степях шли целый день к далекому озеру, обозначенному на карте, а дойдя, узнали, что оно пересохло и даже кружки воды не набрать, чтоб вернуться обратно сквозь расплавленное пространство. И всегда это воспринималось с легкостью, именно как счастье познания, дарованное свыше.

Последние годы мы встречались редко, обычно в обеденный перерыв, в кафе неподалеку от Института. Назначали встречу заранее, чаще всего чтоб обсудить очередные нелепости чиновников от науки. Но всегда горечь от состояния страны сменялась веселыми воспоминаниями и планами на лето. Ожидание нового полевого сезона, новых открытий — этого не отменить.

Он не дожид всего нескольких дней до лета. Едва перевалив за сорок лет.

А еще он всю жизнь писал стихи...

Многое еще впереди у других, молодых, заболевших свободой и жаждой познания: экспедиции, конференции, будут выходить статьи и издаваться книги. Штормовые ветры опять станут уносить палатки и навесы. Кто-то склонится с кисточкой, расчищая развалы керамики в раскопе. За границей лагеря в рассвете, как и много лет назад, темнеют вечные курганы. Но все это уже без Жени.

И это невозможно осознать.

Андрей Зимин